

Денис Темный

Цирк Диковный

Манфреда

Физзельдорфа

Денис Темный

**Цирк диковин Манфреда
Физзельдорфа**

«Автор»

2025

Темный Д.

Цирк диковин Манфреда Физзельдорфа / Д. Темный — «Автор»,
2025

Однажды в небольшой городок, где Лаура беззаботно жила со своей сестрой, приезжает странный цирк. Сразу после этого сознание жителей будто бы меняется, они пребывают в восторге от чудовищных вещей, происходящих на арене. Но стоит цирку уехать, как люди тут же забывают о его существовании. Вот только Лаура, по таинственному стечению обстоятельств сохранившая свои воспоминания, не может закрыть глаза на все случившееся. Ведь вместе с цирком исчезает и ее сестра. Понимая, что вскоре ей придется столкнуться с чем-то необъяснимым, девушка самостоятельно пытается отыскать бесконечно дорогого для нее человека.

Денис Темный

Цирк диковин Манфреда Физзельдорфа

Лаура сидела за изящным чайным столиком, всем своим видом претендовавшим на звание антиквариата. По обе стороны комнаты, в которой размещалась библиотека, находилось по ряду старых книжных стеллажей, сплошь заставленных самыми различными изданиями. Многие из них появились здесь, когда ее еще не было на свете, но, насколько она знала, особой ценности они не представляли. Возможно, за редким исключением. Мать и отец любили книги, собирали все, что хоть как-то привлекало их внимание. С упоением читали, после откладывали в сторону, более никогда к ним не возвращаясь. Так пыльные тома становились неотъемлемой частью их коллекции.

С самого детства девушка заметила за библиотекой одно странное свойство. Стеллажи всегда были заполнены до отказа. Но каждый раз в них непостижимым образом находилось место для новой книги. Будто способные растягиваться до бесконечности, их полки прогибались под огромным весом. Однако шли годы, а они по-прежнему продолжали успешно справляться с тем, для чего были созданы.

Вздыхнув, Лаура перевела на миг остекленевший взгляд налево, к высокому окну. Снаружи светило солнце. Осень была в самом разгаре, и сейчас, в один из редких безоблачных дней, все вокруг выглядело поистине прекрасным. Деревья, окрасившиеся в желтые и оранжево-красные тона, приветливо колыхались под редкими порывами теплого ветра. Увядшая трава источала ни с чем не сравнимый приятный аромат. Роща чуть поодаль создавала обманчивое впечатление, что поблизости нет больше ни единого человека, посмеявшегося бы внезапно нарушить сложившиеся в этом месте гармонию и уединение. Над всем этим простиралось чистое бескрайнее небо, имевшее совершенно особый оттенок, свойственный лишь данной поре года.

В библиотеку меж тем свет не проникал. Внутри царил полумрак, а в воздухе преобладало напряжение, предвещавшее особенно неприятный разговор.

– С чего все началось? – спросил расположившийся напротив мужчина.

Сейчас он со своим потрепанным блокнотом и дорогой ручкой больше всего напоминал психолога, принимавшего очередного пациента. Его свитер был слегка растянут и имел довольно банальную серо-красную расцветку. Примитивный рисунок на нем давно выцвел, но по какой-то причине его владелец не решался сменить свой гардероб. Сверху из-под него выглядывал яркий воротник рубахи, что придавало человеку еще более нелепый вид.

Он был среднего возраста и обладал ничем не примечательной внешностью. Небольшая полнота создавала обманчивое впечатление, что он – всего лишь глуповатый безобидный добряк, которое быстро развеивалось уже в первые минуты разговора.

Тем не менее он все еще вызывал у Лауры немало сомнений. Несмотря на множество положительных отзывов от довольных клиентов, она спрашивала себя, так ли он хорош? И можно ли вообще верить написанным кем-то словам или документам, которые он вполне мог подделать?

Дом достался ей и ее сестре от родителей, почивших слишком рано. Девушки не стали его продавать и жили здесь вместе, хотя для них обеих он явно был слишком велик. Проблем с его содержанием, благодаря солидному наследству, в ближайшие пару десятилетий тоже не предвиделось.

Каждая, даже самая незначительная, по мнению постороннего, мелочь, вещь или деталь интерьера внутри строения была для Лауры бесконечно дорога. Почти со всеми из них ее связывали самые теплые воспоминания.

Вот почему собеседник, ожидавший ответа, ее изрядно раздражал. Сейчас он сидел даже слишком фривольно, особенно учитывая, что кресло, на котором он расположился, было любимым креслом Саманты.

Стараясь подавить в себе нахлынувшие негативные эмоции, девушка натянуто улыбнулась.

– Мы узнали о нем из странных листовок, – заговорила она. – Вернее, однажды Саманта появилась на пороге с сияющим от счастья лицом. Я видела ее в подобном состоянии крайне редко. После гибели родителей она вообще перестала улыбаться. И все же в тот момент она вновь стала такой, какой была еще в детстве. Наверное, в итоге это меня и подкупило. Мне хотелось, чтобы похожие мгновения в ее и моей жизни длились как можно дольше. – Она снова замолчала, задумавшись.

– Продолжайте, – кивнул детектив, еще более, чем прежде, начиная походить на специалиста по душевным болезням.

– Когда я спросила ее, что случилось, она развернула сжатый в руках клочок бумаги. В его центре виднелась нечеткая черно-белая фотография с изображением чего-то, напоминавшего огромный шатер с треугольным флагом на остром шпиле. На переднем плане стояли несколько человек. Однако образы последних оказались столь размыты, что их едва ли можно было различить. Скажу честно, они выглядели какими-то... искаженными. В самом центре над остальными возвышался полноватый мужчина с заметно выдававшимся из-под одежды животом и длинными, слегка закрученными усами.

Необычный вид этих людей сразу же заставил меня насторожиться.

Выше и ниже фотографии находились две хорошо заметные надписи. «Только на этой неделе, каждый день, ровно в семь вечера! Спешите узреть невероятное представление!» и «Цирк диковин Манфреда Физзельдорфа ждет своего самого искушенного зрителя».

Саманта сказала, что эти листовки расклеены по всему городу. Люди только и говорят о них, о том, что собой представляет цирк.

– Довольно странное название, – протянул мужчина, снова отметив что-то в своем блокноте. Перстень на пальце его правой руки ярко блеснул в полумраке. – И как вы на все это отреагировали?

– Было в листовке что-то неприятное, – продолжила Лаура. – Я сразу же попыталась узнать у сестры, о каких «диковинах» шла речь. Она, ничуть не смущаясь, заявила, что это так называемый «цирк уродцев». Каждый из тех, кто выступал на арене, имел какое-либо увечье, недуг, повлиявший на внешность, или врожденную аномалию. Именно сей факт и делал представление уникальным.

Она предложила посетить цирк, я тут же отказалась. Счастливая улыбка на ее лице сменилась совершенно несвойственной ей злобой. Саманта заверила, что мы просто обязаны пойти туда, что полезно иногда провести время в непривычной нам обстановке. Когда сестра поняла – эти аргументы не подействуют, она начала кричать о моей недалекости и о том, что я сужу об отличающихся от нас и, возможно, несчастных людях слишком предвзято.

На это, тоже потеряв самообладание, я спросила – если ход ее мыслей действительно верен, считает ли она правильным заставлять их выступать на арене цирка, выставляя увечья напоказ?

Таким был наш разговор, если описывать его в общих чертах. Мы поссорились, и довольно серьезно. А еще я искренне не понимала, почему она так настойчиво желала, чтобы я тоже пошла туда.

Ее обида продлилась недолго. Спустя день она сделала шаг к примирению. За ужином, начавшимся в напряженном молчании, сестра извинилась передо мной за то, что поддалась эмоциям. Затем начала вспоминать, как в детстве мы однажды пошли в цирк и какой восторг при этом испытали. Теперь же, по ее словам, нам предоставился шанс вновь обрести давно

забытые чувства. Именно поэтому она так хотела взять меня с собой. Ведь только я смогла бы по-настоящему разделить их вместе с ней.

В чем-то она была права. В нашем маленьком городке жизнь течет размеренно и довольно однообразно. Какие-либо волнительные события случаются крайне редко, и появление цирка вполне можно было отнести к одному из них.

Кроме того, изысканная фамилия его владельца сама по себе звучала, будто диковинка. Она недвусмысленно намекала, что, если в ближайшее время мы пропустим представление, второго шанса увидеть нечто подобное у нас может и не быть.

– Вы уступили ей? – Детектив уже знал ответ.

– А как вы сами считаете, Артур? – В глазах девушки блистал странный вызов, будто мужчина спросил нечто личное или крайне неуместное. – Я не видела смысла препираться. Да, в тот момент мне казалось, что все это – просто каприз, мимолетная прихоть. Но кто сказал, что я сама не была склонна к такого рода поступкам? И Саманта всегда старалась дать мне то, что я хочу. После смерти родителей мы остались одни в этом мире. У нас не было больше никого. Само собой, мы ставили потребности друг друга превыше всего остального.

Знаю, есть семьи, где меж братьями и сестрами преобладают презрение и даже ненависть. Но такого рода отношения обошли меня и Саманту стороной. Мы дружили с самого детства, всегда считая себя даже больше чем просто родственниками. Так уж нас воспитали, и я от всей души благодарна за это матери и отцу.

– Вы правы. – Артур Стюарт откинулся в кресле, словно что-то вспоминая. – В моей практике встречалось много семей, представители которых готовы были растерзать своих близких. К примеру, за наследство. Однако уверяю, встречаются и гораздо более мелочные причины. – Он помолчал, глубоко вздохнул и снова продолжил: – Реакция Саманты на ваше согласие была положительной?

– Более чем. Как я и говорила, мне давно не доводилось видеть ее такой радостной. После того, как я пообещала сходить с ней на представление, она буквально обезумела от счастья.

Я же еще раз взглянула на листовку, и она не вызвала у меня ничего, кроме дрожи.

Весь следующий день мы провели в томительном ожидании. Саманта не находила себе места. Она блуждала по дому, не останавливаясь даже на миг. Сначала ей вздумалось заняться уборкой. Эта работа быстро ей наскучила, и тогда пришла очередь рояля, пылившегося в дальней комнате вот уже около двух лет. Слушая гаммы и корявое исполнение давно знакомых мне мелодий, я почувствовала, как мое терпение быстро приближается к своему пределу. Чтобы не спровоцировать новую ссору, я решила немного прогуляться по городу.

Честно говоря, следующий час лишь еще больше испортил мне настроение. Я нечасто выхожу из дома, а если решаю бесцельно побродить, то делаю это, как правило, в расположенной рядом роще. Так что некоторых изменений на улицах я могла бы и не заметить. Но, лишь появившись там, я сразу поняла, что сестра не преувеличивала. Манфред Физзельдорф заглядывал в окна ничего не подозревающих жителей практически с каждого столба, и едва различимая улыбка под длинными усами на нечетком фото отнюдь не казалась добродушной. По крайней мере, мне.

– Их действительно было так много? – с изрядной долей сомнения спросил детектив.

– Я понимаю ваше нежелание поверить мне, – увидев реакцию собеседника, сказала Лаура. – Но да. Объявления прятались в каждом углу, встречали у каждой двери, поджидали в конце каждого переулка.

– Допустим, – уступил мужчина, не желая начинать спор. В конце концов, он пришел сюда не за этим. Многолетний опыт давно научил его, что даже самые невероятные на первый взгляд истории, пусть редко, все же могут оказаться правдой или содержать в себе ее крупицу. Сразу же отмахиваться от них, ссылаясь на невменяемость рассказчика, определенно не стоило. – А местные жители? Они что-нибудь говорили о цирке?

– Их поведение напоминало то, как вела себя Саманта. Люди, еще не побывавшие у Физзельдорфа, желали скорее увидеть все своими глазами. Другие, уже посетившие представление, с восторгом рассуждали о его уникальности и невероятных эмоциях, которые им довелось испытать. Город будто разом сошел с ума. Среди этой толпы я ощущала себя чужой и абсолютно одинокой.

– Вам не показалось это странным? – вновь прервал ее детектив. – Я имею в виду то, как жители реагировали на появление цирка.

– Не особенно, – пожала плечами Лаура. – Несмотря на все, о чем я говорила ранее, мои взгляды и пристрастия почти никогда не совпадали с тем, что ценили окружающие. С самого детства я держалась обособленно, исключением была лишь сестра. В городе появилось нечто новое, чем все почти сразу же увлеклись. Ничего необычного, правда? Такое часто происходит в повседневной жизни, но в гораздо более незаметных ее сферах.

– Пожалуй, вы правы, – подумав, согласился Артур.

– Вечером мы наконец вместе отправились узреть то, чего так ждала Саманта. Она все время смеялась, твердила, что я поступила верно и непременно получу удовольствие от увиденного. Сказала, что, если верить остальным, мы запоем это на всю жизнь.

В этом она оказалась права.

Цирк представлял собой огромный натяжной купол с бесчисленным количеством маленьких шатров, прицепов, клеток, вагонов на колесах и трейлеров позади него. Он стоял на широкой поляне и оказался гораздо больше, чем выглядел на размытой фотографии с листовки. Невысокая трава вокруг была примята множеством ног прошлых посетителей. Из леса неподалеку выползали рваные клочья тумана. А в воздухе витала смесь запахов застарелой плесени и навоза, почти напрочь заглушавшая собой ароматы ранней осени.

Шапито выглядел гротескным и пугающим. Однако толпа людей все равно стремилась к струившемуся из его дверей неясному свету. Шла, как мотыльки на огонь.

Еще в отдалении я услышала примитивную, немного хаотичную музыку. С каждым шагом она становилась все громче и в конце концов почти оглушила нас. Чтобы понять друг друга приходилось кричать, срывая голос. Я так и не увидела, откуда она исходит. Рядом не было ни динамиков, ни поджидавшего за пологом оркестра.

Оказавшись внутри, мы долго бродили, отыскивая свои места. К прежним запахам теперь прибавились оттенки въевшейся в ткань навеса пыли и чего-то еще, больше всего напоминавшее едва уловимый сладковатый смрад разложения. Саманту, как и остальных, это, похоже, нисколько не смущало. Ее лицо по-прежнему сияло от радости. Глядя на нее, постепенно успокоилась и я.

Ждать пришлось недолго. Свет померк, лучи прожекторов устремились к арене, в центре которой уже стоял Манфред Физзельдорф. Он появился там так внезапно, что на миг я уверилась, будто он просто возник из воздуха. Улыбка хозяина цирка была растянута до какой-то невероятной степени. Я подумала, еще немного, и его губы порвутся от напряжения. А его глаза... Они совсем не излучали ту доброту и приветливость, какие он всем своим видом пытался изобразить. Это были глаза голодного волка, взирающего на стадо овец.

Широким жестом отведя руки в стороны, словно хотел обнять всех собравшихся, он низко поклонился. Учитывая его внушительные размеры и выпиравший из-под одежды живот, это действие в его исполнении выглядело полным небывалой ловкости.

Привычным жестом проведя пальцем по усам и закрутив один из их концов, он довольно хмыкнул. Затем громко произнес: «Почтенные дамы и господа, позвольте выразить вам свою признательность за то, что решили скоротать этот вечер здесь, в моем цирке. Его двери всегда открыты для истинных ценителей самых тонких граней искусства. Рад приветствовать и спешу заверить, что сегодня вас ожидает нечто по-настоящему особенное. Так не будем же тратить время на ничего не значащие слова. Мы начинаем!»

Его реплика была встречена бурными овациями. Толпа все больше погружалась в какое-то неистовство. И лишь я одна по неведомой мне причине не разделяла их восторга. Манфред же, снова откланявшись, повернулся и скрылся в темноте.

Сразу после его ухода из-за длинного полога, цепляясь за ткань, на арену выбежали пять карликов. К ногам троих из них были привязаны длинные заостренные колья. Не представляю себе, как они вообще на них держались. Но, похоже, это не доставляло им каких-то неудобств. Они бегали по кругу, спотыкались и дрались друг с другом. Двое постоянно пытались сбить с грубо отесанных деревянных «ног» своих же собратьев, однако это вышло у них лишь раз. Упав, маленький человек попытался подняться, но его тут же уложили обратно жесткими ударами сапог.

Когда он затих, безумие продолжилось дальше. До тех пор, пока очередную победу не одержали карлики, передвигавшиеся на кольях. Они сумели повалить соперника и, словно в отместку за недавнее поражение, просто прошли по его телу. Дерево вонзилось в живую плоть, жертва извивалась и кричала от боли. Из ран потоками текла кровь.

– А зрители? – Артур Стюарт смотрел на Лауру с еще большим недоверием, нежели прежде. – Кого-нибудь возмутило происходящее? Кто-то решил вмешаться?

– Нет, – покачала головой девушка. – Аплодисменты лишь становились громче. Им нравилось это насилие. Я смотрела на тех, многих из кого видела или с кем иногда общалась с самого детства, и просто их не узнавала. Они разом будто превратились в мерзких животных. И самым непостижимым было то, что среди них оказалась моя сестра.

– Вы хотите сказать, что в цирке Манфреда Физзельдорфа убивали людей, но никому не было до этого дела?

– Не знаю, – помедлив, выдавила из себя Лаура. – Я стараюсь одинаково относиться ко всем. У многих из нас есть проблемы, как внешние, так и внутренние. Но те артисты... Я с трудом назвала бы их людьми.

– Поясните, – не понял детектив.

– То, как они выглядели, нельзя так просто передать словами. Помимо роста, их облик был слишком пугающим. Кривые тела испещряли бугры и шрамы. Не только лица, но сами черепа были перекошены. Из отверстий в кривых зубах стекала слюна. Они походили на нечто давно истерзанное, сломанное, а позже подобранное хозяином цирка.

– Хорошо, – кивнул Артур, отдав дань почтения нездоровому воображению собеседницы. – Что было дальше?

– После на суд зрителей вышли еще четыре карлика, несшие два небольших черных гроба. Положив в них трупы, они закрыли крышки, присоединились к остальным и вместе с выжившими отвесили собравшимся поклон.

Толпа в безудержном восторге взревела так, что задрожали трибуны. Многие из людей аплодировали стоя.

Затем артисты удалились, унося с собой гробы.

Через некоторое время суду публики предстал новый человек. Описать его тоже будет непросто. Внешне он выглядел как крепкий мужчина с вполне стандартными, даже привлекательными формами. Да, я могла бы сказать именно так, если бы сумела не обращать внимания на одно обстоятельство. Все его тело покрывала ровная белая, словно снег, чешуя. Не знаю, что за болезнь способна сотворить такое с кожей. Кажется, я когда-то слышала о чем-то подобном. Но лицезреть это воочию... В общем, я испытала настоящий шок.

В мире есть одна необычная закономерность. Если кто-либо обладает слишком белой кожей и такого же цвета волосами, его глаза часто приобретают красный оттенок.

– Вы говорите об альбиносах?

– Именно, – согласилась Лаура. – Так вот, глаза того мужчины были налиты кровью. Длинные ногти на его руках были заострены и, скорее, напоминали звериные когти. Сам он

тоже все время хищно скалился, внимательно вглядываясь в пришедших на представление людей, будто выбирал среди них жертву.

На нем была лишь набедренная повязка, призванная продемонстрировать, что чешуя и правда покрывает все его тело. Передвигался он при этом, кажется, не испытывая каких-то неудобств.

– Его номер заключался в демонстрации самого себя?

– Нет. За появлением артиста последовало нечто еще более ужасное. Вскоре на арену вынесли продолговатый ящик, накрытый плотной тканью. Судя по тому, как его переносили, он был довольно тяжелым. Человек неспешно приблизился и, схватившись за грубое сукно, широким театральным жестом сорвал его.

Ящик оказался стеклянным. За его прозрачными стенками извивались и шипели змеи. Они в ярости копошились меж собратьев, переплетаясь так, что некоторые из них уже не могли двигаться. Твари бросались на крышку, пытаясь выбраться, снова падали вниз, где в них уже вонзали ядовитые зубы сородичи.

А потом произошло то, чего я ожидала меньше всего на свете. Мужчина приблизился, немного отодвинул крышку и, без страха засунув руку к змеям, вытащил одну из них. Продемонстрировав ее публике, он некоторое время упивался новой порцией оваций. Потом запрокинул голову, открыл рот и медленно, с видимым наслаждением, проглотил еще живую змею. Проведя по губам языком так, чтобы в зале это заметил каждый, он вновь обратил взгляд к ящику и продолжил трапезу.

– Звучит довольно невероятно. Особенно если учитывать, что в тварях, по вашим словам, был яд.

– Прежде я и представить себе не могла, что человек вообще способен на такое. Все, что было внутри... Он пожрал их всех, при этом ничуть не изменившись в лице, – произнесла девушка, потерявшись в воспоминаниях и не расслышав слова детектива. – Я не люблю змей. Однако в тот момент во мне проснулось к ним даже некое подобие жалости. Никто не заслуживает такой участи. Я подумала, что предо мной на арене стоит настоящий монстр. А все окружающие просто слепы. Или одурманены этим странным пугающим местом.

Опустевший ящик унесли прочь. Откланявшись, за кулисами скрылся и мужчина с чешуей вместо кожи.

Вновь прогремели барабаны, возвещая о появлении следующего артиста. Им оказался высокий человек с крайне непропорциональным телом.

– По правде говоря, я не слишком вас понимаю, – нахмурился Артур.

– Он выглядел как труп, сшитый из отдельных, совершенно не подходящих друг к другу кусков. Под его кожей бугрились огромные мышцы, но они больше напоминали, скорее, бесформенные вздутия или болезненные нарывы. Одно его плечо располагалось заметно выше другого и почти касалось уха. Волосы были черными, короткими и поблескивали от скопившегося на них жира. Никаких шрамов на его коже не было. Вернее, даже если они и имелись, я все равно не сумела бы их рассмотреть из-за особенностей его телосложения.

Знаете, при всем этом он походил на незлобного, не слишком умного здоровяка, который с легкостью убьет тебя, просто решив похлопать по спине. – Девушка задумалась. – Я испытала новый приступ страха и отвращения. Саманта, как и другие, – восторг. Помню, в тот момент я всерьез начала считать, что схожу с ума. Слишком сильно моя реакция на представление отличалась от реакции остальных. Скорее всего, проблема была именно во мне, ведь не могли же они все разом обезуметь?

Мужчина тем временем напряг мышцы, демонстрируя их публике. Заставляя меня опасаться, что они лопнут, источая гной и зловоние. Но этого, конечно же, не произошло.

Трое карликов выкатили на арену светлый каменный шар таких внушительных размеров, что я удивилась, как им вообще удалось сдвинуть его с места. Человек осмотрел реквизит,

будто решая, с какой стороны подступиться. Потом схватил его обеими руками и без видимых усилий оторвал от земли. Он начал перекачивать его по плечам, по телу, как обычно на представлениях силачи перекачивают гири или похожие предметы. Вот только шар был столь огромным, что оставалось загадкой, почему кто-то вообще способен обращаться с ним с такой легкостью.

Это продолжалось довольно долго. В завершение своего номера мужчина подбросил его вверх так высоко, что он почти достиг купола цирка. А потом, будто забыв о его существовании, обратил взгляд к зрителям.

С чудовищной скоростью шар полетел вниз, упал прямо на ногу артисту и раскололся на несколько частей. Стопа под ним сплющилась, превратившись в бесформенное месиво. Кровь бурным потоком хлынула на желтый песок. Однако человек всем своим видом показывал, что эта травма не стоит и самого незначительного внимания.

Жестом усмирив новую бурю оваций, он поднял один из каменных осколков и, воздев его над собой, разбил о свою голову. То же произошло и с остальными фрагментами реквизита. Он делал это, сдирая кожу, оставляя на камне зубы.

Затем приветственно помахал руками и удалился, истекая кровью.

Следующей на арену вышла тонкая хрупкая девушка. В отличие от тех, кто выступал перед ней, она почти ничем не отличалась от нормальных людей, за исключением рук. Они были такими длинными, что пальцы при ходьбе время от времени касались пола. Ее худощавое лицо с болезненно-бледной кожей не выражало никаких эмоций. Также она не сочла нужным поприветствовать зрителей и сразу же приступила к своему номеру.

Взобравшись на внушительную высоту, она шагнула на растянутый там канат. Распростертые руки помогали ей удерживать равновесие не хуже шеста, который в подобных случаях берут с собой канатоходцы. Все выглядело так, словно здесь она чувствовала себя гораздо увереннее, чем идя по земле.

Когда девушка миновала половину пути, на помостах по обе стороны от нее появились уже знакомые карлики. В сумках, привязанных к их поясам, поблескивали кинжалы, которые они со злобным хохотом принялись бросать в свою жертву.

Та же ответила чем-то совершенно невообразимым. Без труда исполняя различные сальто, растягиваясь на шпагате и вставая на указательный палец руки так, что ноги ее в этот момент почти касались купола, она с легкостью уклонялась от пролетавшего в опасной близости оружия. Ее оппоненты, несколько раз ранив друг друга, лишь ускоряли свой темп и смеялись еще громче.

Пройдя канат до конца, девушка наконец удостоила холодного внимания наблюдавших за ней людей и низко поклонилась. Затем ловко спрыгнула вниз, намеренно задев при этом стоявшего рядом карлика. В отличие от нее, приземлившейся подобно кошке, он камнем полетел на арену и остался лежать неподвижно до тех пор, пока его не унесли собратья.

Далее были близнецы. Юноши, похожие как две капли воды. Помимо небольших хвостов, с которыми, как я знаю, в исключительных случаях порой рождаются дети, и шести пальцев на каждой руке, их особой чертой была невероятная гибкость. Дело было не только в их связках и сухожилиях. Кости рук и ног артистов изгибались под такими немыслимыми углами, что часто это вызывало у меня приступы тошноты. Благодаря этим свойствам они могли протискиваться в слишком узкие для обычного человека пространства. Из этого и состоял их номер.

В самом конце над ареной повесили несколько колец с кинжалами, направленными внутрь. Раскачавшись на трапециях, братья прыгнули в них одновременно, пытаясь избежать столкновения. Это им удалось. Их тела, почти соприкоснувшись в воздухе, миновали друг друга. Однако острые лезвия все же оставили на них свой след. Со свисающими лоскутами кожи, в окровавленных обрывках одежды они с улыбками помахали зрителям. Казалось, боль и глубокие раны совсем их не беспокоят. Под восторженный гул оваций они вскоре удалились.

Были и другие. Они также творили пугающие и часто мерзкие вещи. Я могла бы представить, что подобное было допустимо, к примеру, лет сто назад. Но наличие такого цирка в современном обществе выглядело как странная злая шутка. И все-таки он существовал. А люди, пришедшие на представление, даже не думали возмущаться. Напротив, они аплодировали и восторженно кричали, наблюдая за безумствами, свершавшимися на арене. Смерти и кровопролития лишь больше подстегивали их, превращая в настоящих животных. Будто сумасшедшие, они наслаждались всеми этими ужасами.

И самым страшным было то, что в своем поведении моя родная сестра ничем не отличалась от остальных.

– Как она отнеслась к вашей реакции?

– После представления мы вернулись домой. Только значительным усилием воли мне удалось заставить себя не сорваться на бег, чтобы поскорее покинуть цирк. Всю дорогу Саманта продолжала вспоминать детали того, что там творилось, как если бы это был какой-то захватывающий фильм, не имевший ничего общего с реальностью. Словно еще недавно на ее глазах не убивали людей.

Она не смолкала ни на секунду. Я же безмолвно брела рядом, испытывая слабость и редкие приступы тошноты. То же самое продолжилось и здесь. – Лаура обвела взглядом библиотеку, намекая, что именно в ее стенах она провела с сестрой свой последний вечер.

– Кстати, если вас действительно так возмутило происходящее на арене, почему вы не попытались прекратить это? Почему не воззвали к здравому смыслу зрителей? – вдруг спросил мужчина.

– О каком здравом смысле могла идти речь? – Девушка посмотрела на него, будто он был наивным ребенком. – Говорю же, все они наслаждались этими мерзостями, даже не думая скрывать свои эмоции. И, если честно, я просто боялась. Кто знает, что произошло бы, встань я у них на пути? В тот момент я всерьез верила, что в этом случае мое тело вполне могут вынести с арены в одном из гробов, похожих на те, в которых уносили карликов.

– Пожалуй, вы правы, – прикинув что-то в уме, кивнул детектив. – Вы говорили о вечере, когда вместе с Самантой вернулись из цирка, – напомнил он.

– Мы не спали примерно до часа ночи. Вернее, сестра не давала мне уснуть. Она продолжала вспоминать подробности с какой-то блаженной улыбкой на лице. Преследовала меня буквально всюду. В конце концов, я обосновалась в библиотеке, взяла с полки первую попавшуюся книгу и, открыв ее на случайной странице, впилась взглядом в текст. Всем своим видом я старалась показать, что мне совершенно не хочется перебирать в памяти то, чему сегодня я стала свидетелем. Но Саманта будто не замечала этого, продолжая сотрясать комнату восхищенными возгласами. Ее не интересовало ни отсутствие комментариев с моей стороны, ни мое демонстративное равнодушие. Она не видела этого, пребывая в собственном иллюзорном мире. Ну а я, слушая ее, все меньше узнавала того человека, которым невероятно дорожила с самого детства.

Наконец мое терпение иссякло. Я с шумом захлопнула книгу, бросив ее на стол.

«Да что с тобой случилось?! – закричала я. – Неужели тебе и правда понравились все отвратительные и ужасные вещи, творившиеся с одобрения Манфреда Физзельдорфа и согласия обезумевшей толпы? Как вообще можно восхищаться чем-то подобным?»

Я ожидала от нее вполне предсказуемой ответной реакции вроде той, которая привела нас к недавней ссоре. Мне не хотелось причинять ей боль, но тогда я считала, что просто обязана вразумить ее. Желала удостовериться, что моя сестра все еще та, кого я знала прежде.

Вместо этого Саманта взирала на меня с откровенным непониманием. Как тонкий ценитель искусства, несколько часов кряду рассказывавший о красоте непревзойденного шедевра кому-то, кто в этом совершенно не разбирается, и лишь мгновение назад догадавшийся, сколь

разнятся их понимание мира и взгляды на жизнь. В ней не было ни обиды, ни презрения. Лишь глубочайшее разочарование. И это ранило меня сильнее, чем любая из возможных истерик.

После недолгого молчания она тихо извинилась и вышла, оставив меня одну.

Утром, во время завтрака, мы снова общались как прежде. Саманта улыбалась мне, мы обсуждали всякие незначительные проблемы, говорили, по сути, обо всем. О представлении, на котором мы вместе побывали, она ни разу больше не упомянула. Так продолжалось целый день, мне даже начало казаться, что сестра опять стала собой, и произошедшее вчера – просто дурное наваждение. А потом вечером я увидела ее на пороге полностью одетой и готовой шагнуть в темноту.

После моего вопроса о том, куда она направляется, ее лицо будто исказило судорогой. Она посмотрела на меня взглядом творца, идущего к высшей цели и решившего отринуть все мирские блага. В нем читалась боль, и я наконец воочию узрела ту пропасть, которая нас теперь разделяла.

Саманта сказала, что я все равно не пойму ее, ведь, похоже, мы, сами того не подозревая, всю свою жизнь провели в разных мирах. Но вчерашнее представление открыло ей глаза. Она увидела себя и все вокруг с новой стороны. За этот момент просветления она просто обязана была отблагодарить Манфреда Физзельдорфа. Той ночью его цирк покидал город, и другого шанса сделать это ей бы не представилось.

– Вы пытались остановить ее?

– Спорить с ней было бесполезно, я поняла это сразу же. По пугающей маниакальной решимости на ее лице. В тот момент она окончательно перестала быть собой, отбросила при творство, которым обманывала меня весь день. Я говорила, что этот мужчина прекрасно обойдется и без ее благодарности, что он просто зарабатывает таким образом немалые деньги и наверняка слышит лестные отзывы постоянно. Обвинять его в чем-либо, называя чудовищем, было бы неразумно. Отношение Саманты ко мне стало бы только хуже. Когда я увидела, что никакие аргументы не действуют, мне не оставалось ничего другого, кроме как отправиться вместе с ней. Я попросила ее подождать пару минут, пока оденусь, и она нехотя согласилась. Когда же я вновь подошла к двери, у порога ее уже не было.

С нарастающим беспокойством я побрела через улицы города к цирку. Последнее представление к тому времени успело закончиться. Отталкивающего вида работники сновали по небольшой территории, переносили вещи и готовясь к предстоящему отъезду. Купол все еще был натянут и возвышался над стоящим за ним лесом, однако внутрь меня так и не пустили. На мои просьбы поговорить с Манфредом Физзельдорфом ответили вежливым отказом. Меня заверили в том, что сестра здесь не появлялась, и у хозяина цирка нет ни единой свободной минуты, чтобы решать чужие проблемы.

Я еще долго бродила по городу в поисках Саманты. Кто знает, быть может, с ней и правда что-то случилось по пути сюда? По крайней мере, в этом я старалась себя убедить. Ничего другого мне не оставалось. Заявлять в полицию было слишком рано, и я все еще надеялась отыскать сестру среди объятых мраком улиц.

Однако в ту ночь домой она так и не вернулась.

– Понимаю, вы считаете, что проблема в цирке. Но ее вполне мог убить или похитить кто-то совершенно с ним не связанный.

– Я долго думала об этом, – кивнула Лаура. – У нас довольно небольшой город, где многие хорошо знают друг друга. Преступления, даже самые незначительные, здесь происходят крайне редко и раскрываются в одночасье. Никто не стал бы похищать человека, если говорить о местных жителях.

Мне удалось достать немногочисленный список приезжих, посещавших город в то время. Ни один из них не вызвал даже малейших подозрений. Самые обычные люди, навещавшие своих родственников и друзей.

– Я тоже хотел бы взглянуть на него, если позволите, – сказал детектив.

– Да, конечно. Может, вам он и правда пригодится гораздо больше, чем мне. В конце концов, разбираться в подобных вещах лучше остальных – ваша работа.

– Расскажите, как вы поступили после исчезновения сестры.

– Когда стало возможным заявить об этом, я тут же направились в полицию. По правде говоря, я и не ожидала от них особого рвения. В маленьком городке, где один день ничем не отличается от другого, представители власти ленивы и часто привыкли «плыть по течению». Но мне и в голову не могло прийти, что все будет настолько плачевно.

Мы долго спорили, прежде чем мне наконец позволили заполнить все требуемые бумаги. Со столь недовольным видом, будто я только что плюнула кому-то из этих людей в кофе, документы тут же отложили в сторону. Мне стало ясно, ничего предпринимать в ближайшее время они не собираются. Тогда я упомянула, что исчезновение Саманты, скорее всего, связано с приехавшим накануне цирком. И знаете, что? На меня посмотрели, как на сумасшедшую.

Мне сказали, что понятия не имеют, о каком цирке идет речь, и что, по-видимому, мне следует хорошенько отдохнуть. А сестра может вскоре объявиться сама. Если учесть наше недопонимание накануне, она наверняка просто сочла правильным провести несколько дней подальше от меня.

Их отношение не показалось мне странным. Все это было вполне ожидаемо. Меня удивило другое. Человек, с которым я разговаривала, еще недавно сам восторгался Манфредом Физзельдорфом в местном магазине, когда я там же совершала покупки, и был среди первых из тех, кто отправился на его представление. Теперь, после того как цирк уехал, он ничего об этом не помнил.

В отчаянии я прошлась по знакомым мне улицам. На них не осталось ни единой листовки, напоминавшей о том, что цирк действительно существовал. Мне удалось пообщаться с несколькими соседями, теми, кого отдаленно знали я и Саманта. Все они тоже вдруг чудесным образом забыли о событиях минувшей недели. На меня смотрели со смесью непонимания и страха, стараясь как можно скорее завершить нашу беседу.

– Да, после приезда сюда я успел поговорить кое с кем из жителей. О цирке, упомянутом вами еще в телефонном разговоре, и правда никто не знает.

– Тогда же мне посчастливилось выяснить кое-что новое. – Лаура заметно напряглась. – Вместе с Самантой из города бесследно пропали еще четыре человека. Их родственники обратились в полицию, как и я, где их смогли убедить в том, что беспокоиться не о чем. После чего те просто вернулись к себе домой и стали жить дальше. О Манфреде Физзельдорфе они, как и остальные, тоже ничего не помнили. Однако это заставило меня окончательно уверовать, что я не безумна, и настоящая проблема кроется в чем-то другом.

– По правде говоря, мне достаточно сложно поверить в вашу историю, – проговорил Артур. – Признаюсь честно, за много лет работы детективом в моей практике не встречалось подобного. У вас есть какие-либо доказательства, хотя бы косвенно подтверждающие, что все сказанное вами – правда?

– Надеюсь, это изменит ваше мнение? – Лаура протянула мужчине смятый клочок бумаги.

Он принял его и неспешно развернул, с интересом рассматривая отпечатанное на нем изображение.

– Это та самая листовка, которую Саманта принесла домой, когда желала убедить меня пойти вместе с ней. Ее будет достаточно?

– Вполне, – помедлив, кивнул он. – Правда, не совсем понимаю, каким образом она все же смогла остаться у вас.

– Понятия не имею, – пожала плечами девушка. – Ведь, если следовать логике, листовки исчезли не только с улиц, но и из жилищ тех, кто некогда взял их с собой. Иначе о цирке кто-нибудь обязательно вспомнил бы. По крайней мере, я так думаю.

– Полиция, как я догадываюсь, не спешила расследовать дело Саманты?

– Я ждала несколько дней и окончательно осознала, что им все равно. Единственное, что мне оставалось – поискать информацию о цирке самой. На очень сомнительном сайте, где содержались, скорее, городские легенды, мне действительно удалось найти о нем крайне туманное упоминание.

В небольшой статье говорилось о цирке, который все время разъезжает по стране вот уже более сорока лет. Якобы он никогда не задерживается на одном месте более чем на две недели. Представления, которые даются на его арене, у нормального человека не могут вызвать ничего, кроме содрогания. Они сопровождаются насилием самых различных видов, противоречат всем нормам морали и этики. Поэтому остается неясным, как цирку удалось просуществовать так долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.